

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ АКМЕОЛОГИИ, ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА В УПРАВЛЕНИИ И ОБРАЗОВАНИИ (НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, АСПИРАНТОВ И ДОКТОРАНТОВ)

Actual problems of development of acmeology, psychology and pedagogy of professionalism in management and education (scientific works of teachers, postgraduates and doctoral students)

УДК 159.9

СООТНОШЕНИЕ НАУКИ, РЕЛИГИИ И ИСКУССТВА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ ЧЕЛОВЕКА

Агапов Валерий Сергеевич, доктор психологических наук, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; пр. Вернадского, д. 84, Москва, Россия, 119606; e-mail: agapov.vs@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Актуализируется проблема синтеза логического и внелогического в психологическом познании человека. Раскрыты методологические аспекты соотношения науки, религии и искусства в психологической науке и практике. Акцентируется значение внутренней логики развития психологии, включающей процесс смены идей, принципов, теорий, понятий, методов исследования. Выделяются приоритеты развития современной психологии, связанные с переходом к VI технологическому укладу и зарождением постнеклассической науки. Рассматривается соотносённость научно-гуманитарного знания с религиозным и художественным знанием.

Ключевые слова: истина, добро, красота, наука, вера, религия, художественный образ личности, внутренний мир, психологизм, психологический тип эпохи, художественный метод, научно-гуманитарное знание, логическое, внелогическое, системы познания, синтез, мировоззрение, художественная литература.

Преодолевая «эпоху суетливого мелкотемья» (З. Прилепин), мы обращаемся к вопросам соотносённости науки, религии и искусства в психологическом познании человека. Обсуждение этих вопросов необходимо, прежде всего, в трёх взаимосвязанных аспектах.

Первый из них — перспективы и направления развития научного гуманитарного знания в различных школах. *Второй* аспект связан с решением общенаучных, мировоззренческих и нравственных проблем самовывживания человечества в условиях глобального ценностного кризиса. И наконец, *третий* аспект — синтез логического (наука) и внелогического (религия, искусство) в психологическом познании человека и поиске «глубинных смыслов человеческого бытия» в истине, добре и красоте.

А.Г. Бермус [6, с. 38–39] выделяет три основных вызова, сопровождающих процессы формирования и функционирования современных научных школ.

Вызов научного и методологического плюрализма. У специалистов формируется глобальная научно-образовательная идентичность, противостоящая традиционным представлениям о принадлежности определённой научной школе.

Вызов научной коммуникации. Вполне естественно, что научная школа в определённом смысле действует как фильтр, обеспечивающий соблюдение принятых в этом научном сообществе принципов научности. Очевидно, что при лавинообразном нарастании количества научной информации, неизбежности международных контактов ценность «идеологической чистоты» развиваемых внутри научной школы идей постепенно утрачивается.

Вызов научной инфраструктуры. Наука второй половины XX и начала XXI веков перестаёт функционировать как самостоятельная социальная структура и во всё большей степени оказывается включённой в сложные гуманитарные агломерации. Установка на получение объективного научного знания сменяется установкой на обслуживание тех или иных потребностей в рамках этих институтов (транснациональный бизнес, государственное и муниципальное управление, телекоммуникационная среда), что отражается на всём строе научной деятельности. Естественно, что в этих условиях возникновение и развитие научных школ, как относительно автономных культурных образований, ориентированных на ценности познания, весьма затруднительны. Согласно В.О. Пелевину [15, с. 138], «удар чужой культуры, несомненно, сам по себе был актом войны — это почувствовали все».

Итак, «неизбежность научного диалога определяется самой природой научного знания. Специфика же гуманитарного познания заключается как раз в том, что *субъект и объект познания слиты воедино*, что и обуславливает *невозможность единой универсальной логики познания* всего возникающего в этом переплетении многообразия. Одновременно в условиях многообразия точек зрения и подходов оказывается возможным более полное понимание изучаемой реальности», — пишет А.Г. Бермус [6, с. 40].

Наука осуществляет поиск истины с целью делать выводы относительно будущего. «И прогресс науки заключается в том, что как только обнаруживается новое наблюдение, новый факт, к которому имеющиеся законы неприменимы, так сейчас же в эти имеющиеся законы вводится изменение, необходимое и достаточное для объяснения факта», — полагает П.К. Энгельмейер [26, с. 52].

Далее он высказывает свою позицию о том, что «понятие или суждение лишь постольку истинно, поскольку согласуется с фактами. Таким образом, на вопрос, что есть истина, приходится ответить так: *истина в науке* есть условное выражение того, что данное понятие или суждение согласуется с известными нам в данное время фактами» [26, с. 57].

Обратим внимание на представления святителя Луки (В.Ф. Войно-Ясенецкого): «Наука включает достигнутые знания, то есть ещё не все, а только те, которые пока достигнуты. Научная деятельность движется, она есть процесс «созидания истины путём опыта и умозрения». Этот процесс в науке есть нечто динамическое, становящееся: оно проходит через вопросы, искания, сомнения, предположения, которые потом могут оказаться и ложными. И только знания, то есть подлинные отражения действительности, составляют установленное, статическое содержание науки, знания, то есть доказанные, общеобязательные, общепризнанные, объективные суждения, оправданные и логически, и эмпирически, и умозрением, и опытом» [20, с. 35].

Итак, по мысли святителя Луки, наука — это стройное упорядоченное сочетание знаний. «Оно достигается классификацией, то есть распределением однородных данных по группам и обобщениям — то есть установлением тех общих формул и законов, которым подчиняется природа» [20, с. 34].

При этом святитель Лука констатирует, что «*знание больше, чем наука*. Оно достигается и теми высшими способностями, которыми не располагает наука. Это, прежде всего, интуиция, то есть непосредственное *чутьё истины*, которое угадывает, пророчески предвидит там, куда не достигает научный способ познания» [20, с. 36].

Б.В. Раушенбах, выделяя точные науки и науки о человеке и связывая их с разными типами мышления, чётко их различает. «Их сильная сторона в том, — пишет он относительно точных наук (математики, физики), — что они *очень глубоко проникают в соответствующие предметные области*; их слабая сторона заключается в том, что они, в конце концов, *основываются на моделях*. Естествоиспытатель изначально представляет себе какую-то модель, которую можно математически или экспериментально изучить, *но модели эти не обязательно соответствуют всей реальности...* Если мы изучаем природу человека с точки зрения так называемых точных наук, то предварительно строим физическую, математическую модель и изучаем её с помощью явления, теряя, конечно, в полноте знания. Но такое знание *не может дать полное представление о природе, мире, человеке, и мы «испытываем недостаток образного, поэтического мировосприятия, которое тоже по-своему представляет мир»* [17, с. 110].

А.Г. Бермус [6, с. 11] отмечает общие черты и характеристики современного гуманитарного знания. В их числе:

Ценностно-смысловая основа. Гуманитарное знание не может быть до конца объективировано, отчуждено от человека; напротив, оно укоренено в его жизни и смерти; это всегда «зачем-знания», «почему-знания», «откуда-знания», «для кого-знания» и др. (Е.Н. Трубецкой, Н.Н. Трубишков, С.Л. Франк, В. Франкл, Э. Фромм).

Текстуальность и дискурсивность. Иначе говоря, гуманитарное знание актуально или потенциально присутствует в форме письменной или устной речи; оно немислимо без опоры на речь или, по крайней мере, без возможности речевого представления (М.М. Бахтин, П. Бурдьё, Э. Кассирер).

Динамичность и структурность. В гуманитарном знании нет единого, «абсолютного» центра; статус различных форм гуманитарного знания (науки, философии, методологии, жизненной практики, опыта, игры, сознания, веры) изменяется в зависимости от ситуации и участвующих в ней субъектов (М.М. Бахтин, В.С. Библер, А.Г. Здравомыслов, К. Леви-Стросс, М. Мид).

Реконструктивность. Гуманитарное знание никогда не является изображением, но всегда — преобразованием реальности, в связи с чем любое обращение к гуманитарному знанию есть момент его изменения. В конечном счёте, абсолютным условием гуманитарности является представление о соразмерности пишущего и читающего, говорящего и слушающего, возможность взаимной трансформации их ролей и функций (В.А. Конев, Ю.М. Лотман, М.К. Мамардашвили).

Субъектность и рефлексивность. Гуманитарное знание предполагает не только осмысленность, но и оборачиваемость знания, иными словами, гуманитарное знание представляет не только объект, но и субъект познания. В этой связи можно говорить, что гуманитарное знание функционирует в специфическом пространстве, в котором происходит постоянное оборачивание человеческого бытия (К.А. Абульханова, В.В. Розанов, В.С. Стёпин, М. Хайдеггер).

Соразмерность гуманитарного знания человеку. Особую роль в установлении этого соотношения сыграла философия жизни XIX — первой половины XX веков. Начиная с этого времени, в европейской традиции утверждается проблема жизненных оснований сознания и культуры (А. Бергсон, Ф. Ницше, О. Шпенглер, Г. Маркузе), в последние десятилетия всё большее значение приобретает анализ «телесности» как источника человеческих представлений (З. Фрейд, В. Райх, В. Подорога).

Бесконечность гуманитарного знания. Феномен бесконечности реализуется двояко: и как внешняя бесконечность (ни одна форма гуманитарного знания не является законченной и завершённой), и как внутренняя бесконечность — существующее знание может быть реинтерпретировано, рассмотрено в другом значении и смысле (Г. Гадамер, Э. Кассирер, М. Шелер).

Наука обладает внутренней логикой своего развития, включающей смену идей, принципов, теорий, понятий, методов исследования и сохранение всего ценного, что было накоплено ранее. На каждом этапе развития психологическая наука использует достиже-

ния предшествующих эпох и по своему содержанию является их продолжением. Поэтому развитие психологической науки зависит не только от достигнутого уровня развития социально-экономических условий, но и от накопленного ранее фактического материала, теорий, гипотез, законов, научных понятий и представлений.

«В последние десятилетия особую популярность приобрели идеи «археологии знания» как своеобразной системы методологических процедур, позволяющих, по аналогии с археологическим исследованием, в прямом смысле слова разыскивать и восстанавливать способы человеческого мышления в разные эпохи (Г. Башляр, М. Фуко). В рамках этого подхода классификация гуманитарных представлений осуществляется на основе базовых эпистем, понимаемых как модели связей между словами (значениями) и вещами (объектами)», — пишет А.Г. Бермус [6, с. 14].

По мнению М. Фуко¹, в новоевропейской культуре существуют четыре несводимые друг другу эпистемы:

1. В *классической формации* слова подобны вещам, предметы видимого мира подобны предметам идеального мира, в соответствии с чем общее направление образования — восхождение, а универсальный критерий истинности познания — мастерство. В рамках этой же эпистемы, познание гуманитарное и познание естественно-научное не разделены, но господствует онтологическая идея Космоса, понимаемого как вместилище всех значений, понятий, смыслов... Соответственно, единственной достойной целью познания является познание *Блага* во всех его аспектах: отсюда же расцвет не только богословского знания, но и философии, логики, изящных искусств и др.

2. В *новоевропейской формации* слова начинают обозначать вещи, не будучи их прямыми аналогами. Отсюда же возникает глубинный раскол в гуманитарных (познание словесной реальности) и естественно-научных (познание вещной реальности) науках, причём направленность познания теперь иная: познанным считается то, что обретает своё внешнее, словесное значение, то есть приобретает статус понятия. В этих условиях особую роль приобретает знание сходств и различий между вещами, и наиболее яркая форма их представлений — классификация. Именно для этой эпохи характерен поиск универсальных классификаций как в сфере естественно-научного познания (классификации видов животных, по Ламарку или Линнею), так и в сфере педагогики (создание универсальных систем, методов, принципов, правил обучения — А. Дистерверг). В общем, целью познания является уже не абстрактное *Благо*, но освобождение человека от существующих зависимостей: от прошлого (освобождение от предрассудков), от неразумной природы (идея научного познания окружающего мира), от непредсказуемого будущего (реализации идей прогресса).

3. В рамках *модернистской формации* слова связаны с вещами непосредственно, но через специфических посредников: мышление, деятельность, социум, культуру и др. При этом слова перестают мыслиться в качестве отражений идеальной сущности, но становятся своеобразной концептуальной сетью, набрасываемой на человеческую практику. Соответственно, меняется и основное направление познания — от выявления и построения классификаций идеальных представлений к установлению практико-ориентированных стратегий и технологий овладения человеческой практикой, представлениями, опытом и др. Критерий истинности познания меняется на критерий целесообразности и практической полезности, что открывает целую эру прикладных исследований, как в естественных науках (технологии), так и в гуманитарной сфере (психотехники, методики, модели). Одновременно именно в модернистскую эпоху создаётся всё многообразие общественных институтов, позволяющих не только удерживать, но и производить в массовом масштабе гуманитарное знание (кино, театры, библиотеки, публичная пресса, средства массовой коммуникации, общественные организации).

4. В *постмодернистской перспективе* происходит ещё одна трансформация отношений между словами и вещами: слова начинают соотноситься не с вещами, но с дру-

¹ Цит. по: 6. С. 15–17.

гими словами, знаки — с другими знаками; то есть возникают своеобразные семантические сети, располагающиеся над и вне объектов и напрямую соотносящиеся с человеческим бытием. Последствия этой трансформации значительны и разнообразны: знание перестаёт свидетельствовать об истине, но оно начинает свидетельствовать о субъекте. Соответственно, вектор познания сдвигается с открытия новых горизонтов в сторону реконструкции уже существующих систем и представлений, с познания — на самопознание, с истины — на представление. В онтологическом плане этот переход означает переход от идеологического единства (монизма) к плюрализму, понимаемому как бесконечное и всё возрастающее многообразие представлений, идей, концепций во всех сферах.

Ю.Я. Голиков считает, что «в центре исследований основных научных направлений сегодня находятся мировоззренческие и социокультурные проблемы выбора путей развития науки и общества, изменения фундаментальных оснований культуры, преодоления потенциальных опасностей новых технологий, экологических, политических и экономических кризисов в условиях глобализации и перехода к постиндустриальному обществу» [9, с. 19].

В современной психологии происходят изменения, связанные с переходом к VI технологическому укладу (биотехнологии, проектирование социальных объектов, робототехника, высокие гуманитарные технологии, проектирование будущего и управление им, новая медицина и природопользование, вложения в человека), с поиском интеграции с физикой, с зарождением постнеклассической науки.

На текущем этапе развития психологии, как отмечает А.Л. Журавлёв, приоритетными становятся междисциплинарные исследования, вследствие того, что «сама проблема психического изначально является междисциплинарной. В её исследовании у психологической науки нет и не может быть монополии: феномен психики по своей объективной природе предполагает междисциплинарность его изучения» [22, с. 17].

По словам святителя Луки (Войно-Ясенецкого), «религия есть общение с Богом (воссоединение)... Это непосредственное и специфическое переживание, дающее общение с Богом, — есть молитва... молитва, как мистическое устремление, как полёт духа, как духовный экстаз, как вера и чувство...».

По мнению Р.М. Грановской, религиозная вера предполагает следующие основные свойства: полагать своё сердце на Бога, доверять, почитать, любить, ободрять и стремиться к нравственности. В основе потребности веры — врождённое *стремление человека к самораспространению (самотрансценденции) за пределы своих возможностей и достоверного знания*» [10, с. 336–337].

«Веру я считаю психической способностью человека, которая более всех других отличает его от животных», — замечает Н.И. Пирогов [цит. по: 20, с. 64].

П.А. Флоренский определяет религиозную веру как «систему таких действий и переживаний, которые обеспечивают душе спасение, то есть такое равновесие душевной жизни, которое спасает нас, спасает наш внутренний мир от таящегося в нам хаоса и, водворяя мир в душе, умиротворяет и целое общество, и всю природу» [цит. по: 10, с. 339].

«Высшим же проявлением души человеческой является вера в Бога. Это её крылья, на которых она поднимается над землёй, проникает своим духовным взором в Небо духовное, в мир невидимый. И насущная потребность души — исполнение заповедей Божиих», — пишет митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) [16, с. 24].

Преподобный Силуан Афонский утверждает, что «для души нужен Господь и благодать Святого Духа, без которой душа мертва. Как солнце греет и живит полевые цветы, и они влекутся к нему, так душа, любящая Бога, влечётся к Нему и блаженствует в Нём, и от многотой радости хочет, чтобы все люди также блаженствовали» [16, с. 16].

Святитель Лука (В.Ф. Войно-Ясенецкий) пишет, что «религия есть отношение к Абсолютному, к Тому, Кого мы называем Богом. Так как это отношение есть у всякого — даже атеиста, то и принято говорить, что у всякого есть своя религия. Но, принимаемая в таком виде, в широком смысле, религия может быть и правильной, и неправильной,

истинной и ложной, нравственной и не нравственной — в зависимости от того, что мы разумеем под абсолютной, высшей и последней ценностью мира и как к ней относимся — во что веруем и как веруем, что принимаем и что отвергаем» [20, с. 37]. Здесь важно мнение архимандрита Тихона (Шевкунова): «...я прочно усвоил: *нельзя одновременно служить Богу и Мамоне*. Что правда, то правда. Если же не пытаться это смешивать, то Господь Сам «пошлёт» всё необходимое в нужное время» [4, с. 467].

П.К. Энгельмейер выделяет две важнейшие *функции религии*. *Первая — индивидуальная*, благодаря которой «все печали жизни обращаются в ноль». *Вторая — социальная*, состоящая в том, что религия «*должна побуждать человека делать добро*». При этом «добро именно «познаётся», то есть оно существует только в сознании человека» [26, с. 70].

Следует подчеркнуть, что «добро познаётся только со стороны дающего, и его нет со стороны берущего. Добро есть польза для другого человека. И, если эта польза сопряжена с пользой для себя, то от этого добро делается ещё добрее» [26, с. 71].

По мнению лауреата Нобелевской премии Р. Фейнмана, «религия имеет много аспектов; она отвечает на множество вопросов. Прежде всего, она отвечает на вопросы о сути вещей, откуда они вытекают, что такое человек, что такое Бог — характеристики Бога и т.п. Позвольте мне обратиться к метафизическому аспекту религии. Он говорит нам о другой стороне — о нашем поведении... Я имею в виду наше поведение вообще, поведение в жизни, моральную сторону поведения. Этот аспект даёт ответы на моральные вопросы; он определяет моральные и этические заповеди... Это не просто вопрос совестливости человека; *это также поддержка его духа для совершения правильных действий*. Религия *обязательно должна давать силу, утешение и вдохновение для соблюдения моральных заповедей*. Это *вдохновляющая сторона религии*. Она не только воодушевляет для морального послушания — она *служит вдохновляющим началом для искусства и живописи, она побуждает к высоким мыслям и действиям*» [24, с. 319–320].

Представляет интерес следующее высказывание митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича). «*Жажда души — это жажда нашей мысли расширить свои знания*. Не ограничивать их лишь познанием видимого. *А иметь возможность проникнуть в сферы невидимого мира — мира духовного, и это жажда внутреннего благодатного мира*, внутреннего покоя, счастья, которые бы не нарушались, несмотря на окружающие каждого из нас невзгоды, скорби, бедствия... Это *жажда свободы духа*, чтобы никакие греховные пути не препятствовали бы ей проявить себя в любом виде добродетели».

Душа жаждет уяснить, в чём смысл нашей жизни и почему жизнь так коротка, а человеку хочется много сделать и совсем не хочется уходить из этой жизни.

Душа жаждет уничтожить все колебания, сомнения, недоумения... Чтобы по вере своей мы могли проникнуть в духовный невидимый мир и, познав его, стараться жить здесь свято. *Утоляется жажда души только благодатью Божьей*. Когда мы любимся красотами природы, мы при этом испытываем наслаждение не только от зрительного ощущения, но при этом душа наша видит величие Творца. В эти минуты наша душа встречается с Христом» [16, с. 23].

Искусство преследует своей целью создание красоты, «доставлять нам эстетическое наслаждение». П.К. Энгельмейер отмечает, что «художник создаёт замысел, состоящий из образов, звуков, мыслей, чувств, и желает его выразить и сообщить другим. Он его выражает в образах, красках, формах, движениях, словах, тонах и так далее. Нельзя отличать образ от его выражения: само это сочетание красок и слов есть замысел художника... Художник творит «бессознательно», а иногда даже наперекор своему намерению» [26, с. 26–27]. Итак, по мысли П.К. Энгельмейера, «художественное творчество... наскучит, и в этом его функция сходится с функцией науки..., искусство иллюстрирует науку, когда художник передаёт другим своё настроение, свои мысли и чувства» [26, с. 32].

И. Ремарс высказывает мнение, что «*искусство играет словами, образами, звуками, вещами, приводя нас к символическому пониманию мира*, символической взаимосвязи

с миром. Искусство — один из доступных нам способов осознания реальности — внешней и внутренней» [18, с. 111].

По мнению А. Тарковского, «художественное открытие каждый раз происходит как новый и уникальный образ мира. Оно появляется как откровение, как мгновенное, страстное желание интуитивно, одним махом охватить все законы этого мира — его красоту и уродство, его сострадание и жестокость, его бесконечность и его ограниченность. Образ удерживает осознание бесконечности: вечного — в конечном, духовного — в вещественном, безграничного — в форме» [цит. по: 18, с. 111].

Р. Мэй считает, что «искусство состоит в открытии и выражении нового способа видения природы и жизни. Художник «учит человечество видеть» (А. Адлер), но он учит ещё и «созидать новые формы», показывает новые варианты восприятия мир и других людей и новые способы, которые были не известны до того, как он их увидел и указал на них» [14, с. 284–285].

Б.М. Теплов заметил, что «художественная литература содержит неисчерпаемые запасы материалов, без которых не может обойтись научная психология в новых путях, открывающихся сейчас перед ней» [89, с. 306]. В связи с этим, Б.С. Братусь конкретизирует: «Развёрнутые и яркие описания эволюции человеческой души, истории её возвышений и деградации, удивительных побед духа и его же постыдных поражений, рассмотрение путей, ведущих к подвигу и подвижничеству, и путей, приводящих к падению и прозябанию, показ внутренней логики и цели внешних событий, толкающих человека на преступление и предательство или, напротив, к раскаянию, самоотречению и жертве, описание дум и смятения человека перед казнью или самоубийством, описание радости и просветления при неожиданном избавлении от гибели, раскрытие многообразия любовных перипетий и семейных тайн, отношения между детьми и родителями, начальниками и подчинёнными, учителями и учениками — всё это и многое другое, что наполняет человеческую жизнь от рождения до смерти, вдумчивый психолог... найдёт в художественной литературе» [7, с. 55].

(Продолжение следует)

ЛИТЕРАТУРА

- [1]. Агапов В.С. Системное изучение Я-концепции субъекта в российской психологии // Акмеология. 2013. № 1. С. 27–30.
- [2]. Агапов В.С. Феномен научной школы в современной российской психологии // Научная школа как социальный капитал российского общества: Сборник материалов Тульской сессии научной школы профессора В.С. Агапова / Под ред. В.С. Агапова, Л.О. Андроновой, О.Б. Смирновой, И.Л. Фельдман. — Тула: ООО «Промпилот», 2013. — С. 8–47.
- [3]. Агапов В.С., Фельдман И.Л., Шайденкова Т.Н. Развитие профессионального самопознания в структуре Я-концепции учителя начальных классов. — М.: АПК и ППРО, 2005. — 204 с.
- [4]. Архимандрит Тихон (Шевкунов) «Несвятые святые» и другие рассказы. — М.: Изд-во Сретенского монастыря: ОЛМА Медиа Групп, 2012. — 640 с.
- [5]. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советский писатель, 1963. — 364 с.
- [6]. Бермус А.Г. Введение в гуманитарную методологию. — М.: Канон +, РООН «Реабилитация», 2007. — 336 с.
- [7]. Братусь Б.С. Научная психология на фоне Льва Толстого // Психологический журнал. 1999. Т.20. № 3. С. 119–130.
- [8]. Велер М. Слово и судьба. — М.: АСТ, 2008. — 574 с.
- [9]. Голиков Ю.Я. Антропный принцип как теоретическое обоснование решения актуальных проблем психологии // Психологический журнал. 2014. Т.35. № 2. С. 19–32.
- [10]. Грановская Р.М. Психология веры. — СПб.: Питер, 2010. — 480 с.
- [11]. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. — М.: Флинта, МПСИ, 2003. — 176 с.

- [12]. Журавлёв А.Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии — М.: ИПРАН, 2011. — 560 с.
- [13]. Кирпотин В.Ф.М. Достоевский. — М.: Советский писатель, 1947.
- [14]. Мэй Р. Сила и невинность. — М.: Смысл, 2001.
- [15]. Пелевин В.О. S.N.U.F.F. — М.: Эксмо, 2012. — 480 с.
- [16]. Размышления и бессмертной душе / сост.архимандрит Иоанн (Крестьянкин). — М.: Отчий дом, 2010. — 175 с.
- [17]. Раушенбах В.Б. Пристрастие. — М., 1997.
- [18]. Ромаре И. Принцип феминности в кино: размышления о кино и его связи с человеческой психикой // Кино и глубинная психология: Сборник. — М.: МААП, 2010. — С. 109–118.
- [19]. Сайко Э.В. Субъективный потенциал Б.В. Раушенбаха в познании человека и отношении к действительности // Мир психологии. 2004. № 2. С. 186–201.
- [20]. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Наука и религия. — Ростов-на-Дону, 2001. — 319 с.
- [21]. Семёнов В.Е. Психологический гений Ф.М. Достоевского (к 190-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2011. Т.32. № 6. С. 108–111.
- [22]. Теория и методология психологии. Поснеклассическая перспектива/ Отв.ред. А.Л. Журавлёв, А.В. Юревич. — М.: ИПРАН, 207. — 528 с.
- [23]. Теплов Б.М. Заметки психолога при чтении художественной литературы // Избранные труды: В 2-х т. Т.1. — М.: Педагогика, 1985. — С. 306–312.
- [24]. Фейнман Р. Радость познания. — М.: АСТ, 2013. — 348 с.
- [25]. Шапир Н. Чехов как реалист-новатор (опыт научно-психологической критики) // Вопросы философии и психологии. 1905. № 4. С. 487–553.
- [26]. Энгельмейер П.К. Теория творчества. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, СПб.: Северо-Запад, 2009. — 256 с.

CORRELATION BETWEEN SCIENCE, RELIGION AND ART IN PSYCHOLOGICAL HUMAN KNOWLEDGE

Valery S. Agapov, doctor of psychology, department professor of Acmeology and psychology of professional activity of Russian academy of national economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, e-mail: agapov.vs@mail.ru

ABSTRACT

The article updates the problem of synthesis of logical and illogical psychological human cognition. Methodological aspects of the relations between science, religion and art are disclosed in psychological science and practice. The importance of the internal logic of the development of psychology is underlined, and including the process of changing ideas, principles, theories, concepts, research methods. The development of modern psychology prioritized, its connected with transition to VI technological structure and beginning of post-nonclassical science. We concenter the correlation between science-humanities knowledge with religious and artistic knowledge.

Key words: truth, goodness, beauty, science, faith, religion, art personal character, impersonal world, psychologism, psychological type epoch, art method, scientific-humanitarian knowledge, logic, illogic, cognitive system, synthesis, ideology, fiction

REFERENCES

- [1]. Agapov V.S. Sistemnoe izuchenie Ja-koncepcii sub#ekta v rossijskoj psihologii // Akmeologija. 2013. № 1. S. 27–30.
- [2]. Agapov V.S. Fenomen nauchnoj shkoly v sovremennoj rossijskoj psihologii // Nauchnaja shkola kak social'nyj kapital rossijskogo obshchestva: Sbornik materialov Tul'skoj sessii nauchnoj shkoly professora V.S.Agapova / Pod red. V.S.Agapova, L.O.Andronovoj, O..Smirnovoj, I.L.Fel'dman. — Tula: ООО «Prompilot», 2013. S. 8–47.

- [3]. *Agapov V.S., Fel'dman I.L., Shajdenkova T.N.* Razvitie professional'nogo samopoznanija v strukture Ja-koncepcii uchitelja nachal'nyh klassov. — M.: APK i PPRO, 2005. — 204 s.
- [4]. *Arhimandrit Tihon (Shevkunov)* «Nesvjatye svjatye» i drugie rassказы. — M.: Izd-vo Sretenskogo monastyrja: OLMA Media Grupp, 2012. — 640 s.
- [5]. *Bahtin M.M.* Problemy pojetiki Dostoevskogo. — M.: Sovetskij pisatel', 1963. — 364 s.
- [6]. *Bermus A.G.* Vvedenie v gumanitarnuju metodologiju. — M.: Kanon +, ROON «Reabilitacija», 2007. — 336 s.
- [7]. *Bratus' .S.* Nauchnaja psihologija na fone L'va Tolstogo // Psihologicheskij zhurnal. 1999. T. 20. № 3. S. 119–130.
- [8]. *Veler M.* Slovo i sud'ba. — M.: AST, 2008. — 574 s.
- [9]. *Golikov Ju.Ja.* Antropnyj princip kak teoreticheskoe obosnovanie reshenija aktual'nyh problem psihologii // Psihologicheskij zhurnal. 2014. T. 35. № 2. S.19–32.
- [10]. *Granovskaja R.M.* Psihologija very. — SPb.: Piter, 2010. — 480 s.
- [11]. *Esin A.* Psihologizm russkoj klassicheskoj literatury. — M.: Flinta, MPSI, 2003. — 176 s.
- [12]. *Zhuravljov A.L.* Aktual'nye problemy social'no orientirovannyh otraslej psihologii. — M.: IPRAN, 2011. — 560 s.
- [13]. *Kirpotin V.F.M.* Dostoevskij. — M.: Sovetskij pisatel', 1947.
- [14]. *Mjej R.* Sila i nevinost'. — M.: Smysl, 2001.
- [15]. *Pelevin V. O.* S.N.U.F.F. — M.: Jeksmo, 2012. — 480 s.
- [16]. Razmyshlenija i bessmertnoj dushe / sost.arhimadrit Ioann (Krest'jankin). — M.: Otchij dom, 2010. — 175 s.
- [17]. *Raushenbah V.* Pristrastie. — M., 1997.
- [18]. *Romare I.* Princip feminnosti v kino: razmyshlenija o kino i ego svjazi s chelovecheskoj psihikoj // Kino i glubinnaja psihologija: Sbornik. — M.: MAAP, 2010. S.109–118.
- [19]. *Sajko Je.V.* Sub#ektivnyj potencial .V. Raushenbaha v poznanii cheloveka i otnoshenii k dejstvitel'nosti // Mir psihologii. 2004. № 2. S. 186–201.
- [20]. *Svjatitel' Luka (Vojno-Jaseneckij).* Nauka i religija. — Rostov-na-Donu, 2001. — 319 s.
- [21]. *Semjonov V.E.* Psihologicheskij genij F.M.Dostoevskogo (k 190-letiju so dnja rozhdenija) // Psihologicheskij zhurnal. 2011. T.32. № 6. S.108–111.
- [22]. Teorija i metodologija psihologii. Posneklassicheskaja perspektiva / Otv.red. A.L. Zhuravljov, A.V. Jurevich. — M.: IPRAN, 207. — 528 s.
- [23]. *Teplov .M.* Zametki psihologa pri chtenii hudozhestvennoj literatury // Izbrannye trudy: V 2-h t. T.1. — M.: Pedagogika, 1985. S. 306–312.
- [24]. *Fejnman R.* Radost' poznanija. — M.: AST, 2013. 348 s.
- [25]. *Shapir N.* Chehov kak realist-novator (opyt nauchno-psihologicheskij kritiki) // Voprosy filosofii i psihologii. 1905. № 4. S.487–553.
- [26]. *Jengel' mejer P.K.* Teorija tvorcestva. — M.: TERRA — Knizhnyj klub, SPb.: Severo-Zapad, 2009. — 256 s.